

ДАРСИ

Белл

MASTER**DETECTIVE**

DARCEY BELL

A SIMPLE FAVOR

MASTER**DETECTIVE**

ДАРСИ БЕЛЛ ПРОСТАЯ УСЛУГА

Перевод с английского
Елены Тепляшиной

издательство **ACT**
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б43

Original English language edition published by HARPERCOLLINS
PUBLISHERS

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Белл, Дарси
Б43 Простая услуга / ДАРСИ БЕЛЛ; пер. с английского Е. ТЕПЛЯШИНОЙ. —
Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2018. — 416 с. (Master Detective).

ISBN 978-5-17-099060-3

Подруга просит оказать простую услугу — забрать ее сына из школы. Но именно после этого жизнь матери-одиночки Стефани идет кувырком. Подруга исчезает. Ее нет ни дома, ни на работе. Она не отвечает на телефонные звонки. И наконец приходит печальное известие... “Простая услуга” — это и триллер, и психологическая драма. Любовь и предательство, дружба и обман, погоня за лучшей жизнью и борьба за место под солнцем. Что скрывает молодая и счастливая мать, что прячется за стенами уютного дома в пригороде? Сюжет развивается стремительно, и читателя ждет множество непредвиденных поворотов, невероятных подробностей и непредсказуемых действий.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099060-3

- © Darcey Bell, 2017. All rights reserved
- © А. Тепляшина, перевод на русский язык, 2018
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2018
- © ООО “Издательство АСТ”, 2018
- Издательство CORPUS ®

Содержание

Часть первая..... 9

Часть вторая..... 193

Часть третья 317

Часть первая

Моя мать говаривала: “У всех есть секреты. Вот почему невозможно узнать другого по-настоящему. Или по-настоящему доверять другому. Вот почему невозможно узнать самого себя. Иногда мы храним секреты даже от себя самих”.

Взрослея, я думала, что это верное наблюдение, хотя и не понимала его до конца. А может быть, понимала — немного. У детей есть тайны. У них вообразимые друзья, и узнай о них взрослый — неприятностей не миновать.

Позже я поняла: мама говорила, исходя из своего опыта. А что, если она не столько готовила меня к жизни, сколько программировала на хранение тайн и недоверие? Было ли у нее ощущение, что, когда я вырасту, у меня будут тайны темнее и постыднее, чем у других? Тайны, которые мне по большей части удалось сохранить — даже от себя самой?

Мамы, привет!

Этот пост будет отличаться от тех, что были в моем блоге до сих пор. Он не самый важный, потому что самое важное на свете — это то, что происходит с нашими детьми: их нахмуренные бровки, их улыбки, их первые шаги, их первые слова.

Давайте просто скажем, что этот пост... СРОЧНЫЙ. *Крайне срочный.*

Пропала моя лучшая подруга. Она ушла из дома два дня назад. Ее зовут Эмили Нельсон. Вам известно, что я не упоминаю в блоге *имена* друзей. Но сейчас по причинам, которые вы вскоре поймете, я (временно) отменяю политику строгой анонимности.

Мой сын Майлз и сын Эмили Ники — лучшие друзья. Им по пять лет. Оба родились в апреле и поэтому пошли в подготовительный класс на несколько месяцев позже,

так что они немного старше своих одноклассников. Я бы сказала, взрослее. Майлз и Ники — мечта, а не дети. Скромные, честные, добрые маленькие люди, а такие качества — простите, парни, если это читает кто-нибудь из парней — нечасто встретишь у мальчиков.

Мальчики познакомились друг с другом в школе. А мы с Эмили познакомились, забирая их из школы. Редко бывает, чтобы ребята дружили с детьми маминой подруги или чтобы какая-нибудь мама сдружилась с мамой друга ее ребенка. Но у нас все сошлось. Мы с Эмили счастливые. Причина одна: мы не юные мамы. Наши дети появились, когда нам было уже хорошо за тридцать и биологические часики тикали!

Иногда Майлз и Ники сочиняют пьесы и разыгрывают спектакли. Я разрешаю мальчишкам снимать их на мой телефон, хотя обычно строго ограничиваю время, когда ребятам можно играть с электронными девайсами, от которых современным родителям столько хлопот. Одна восхитительная сценка оказалась детективной историей — “Приключения Дика Уника”. Ники был детективом, Майлз — преступником.

— Я Дик Уник, самый умный детектив в мире! — провозглашал Ники.

— Я Майлз Челюсть, самый страшный бандит в мире! — отвечал Майлз.

Майлз играл, как злодей из викторианской мелодрамы, с множеством басовитых “хо-хо-хо!”. Они гонялись друг

за другом по нашему двору, “стреляя” друг в друга (никакого оружия!) из пальца. Это было что-то!

Если бы только папа Майлза — мой покойный муж Дэвис — мог видеть их!

Иногда я поражаюсь, откуда у Майлза эта актерская жилка. Полагаю, от отца. Однажды я видела, как Дэвис проводит презентацию перед потенциальными клиентами, и меня поразило, каким живым и артистичным он был. Он мог бы стать таким симпатичным, глуповато-обаятельным молодым актером, лохматым, с блестящими волосами. Со мной Дэвис был другим. Как будто больше в себе. Спокойный, добрый, с хорошим чувством юмора, задумчивый, хотя у него определенно были весьма стойкие убеждения, особенно насчет мебели. Но это естественно — в конце концов, мой муж был успешным дизайнером-архитектором.

Дэвид был сущим ангелом. За исключением одного момента. Или двух.

Ники сказал, что придумать Дика Уника помогла им его мама. Эмили обожает детективы и триллеры. Она читает их в электричке, когда едет на Манхэттен и ей не нужно готовиться к встрече или презентации.

До рождения Майлза я много читала. Время от времени мне случается подхватить какую-нибудь Вирджинию Вульф и прочитать несколько страниц, чтобы напомнить себе, кем я когда-то была — и кем, надеюсь, осталась. Где-то среди детских игр, школьных обедов и уклады-

вания в постель затерялась молодая женщина, которая жила в Нью-Йорке и работала в журнале. Личность, у которой были друзья, которая по выходным ходила на бранчи в ресторан. Но ее друзья остались бездетными, никто не переехал в пригород. Мы потеряли друг друга из виду.

Любимый писатель Эмили — Патриция Хайсмит. Я понимаю, почему моей подруге так нравятся книги Хайсмит — они читаются на одном дыхании. Но от них так расстраиваешься! Главный герой обычно или убийца, или соглядатай, или какой-нибудь безвинный человек, который старается, чтобы его не убили. Я читала роман про двух парней, которые познакомились в поезде и договорились, что каждый из них совершит убийство, чтобы оказать приятелю услугу.

Я хотела, чтобы книга мне понравилась, но я ее не дочитала. Хотя, когда Эмили спросила про роман, я сказала, что просто в восторге.

Когда я в следующий раз пришла к ней в гости, мы смотрели на DVD фильм Хичкока по этому роману. Сначала я беспокоилась: вдруг Эмили захочет обсудить отличия книги от фильма? Но кино меня захватило. Одна сцена, со взбесившейся каруселью, оказалась настолько жуткой, что смотреть было почти невозможно.

Мы с Эмили сидели у нее в гостиной, каждая, вытянув ноги, в своем уголке массивного дивана, на журнальном столике — бутылка хорошего белого вина. Увидев, что я смотрю сцену с каруселью сквозь пальцы, Эмили улыбнулась и показала мне оттопыренный большой палец. Ей понравилось, что я так испугалась.

А я невольно думала: что, если бы Майлз был на той карусели?

Когда фильм закончился, я спросила Эмили: “Как по-твоему, реальные люди способны на такое?”

Эмили рассмеялась. “Милая Стефани! Ты удивишься, когда узнаешь, чего хотят люди. В своих желаниях никто никогда никому не признается — даже себе”.

Мне захотелось сказать, что я не так мила, как она думает. Я тоже делала кое-что плохое. Но я слишком удивилась и испугалась, чтобы рассказывать об этом. Эмили говорила, как моя мать.

Мамы знают, как трудно бывает уснуть, вечно в голове крутится какая-нибудь жуткая история. Я всегда обещала Эмили почитать еще какую-нибудь книгу Хайсмита. Но теперь жалею, что прочитала и ту, единственную. Жертвой убийцы была невеста другого парня.

А когда бесследно исчезает твоя лучшая подруга, о таких вещах и думать не хочется. Не то чтобы я считала, будто муж Эмили Шон мог причинить ей вред. Разумеется, у них были проблемы. В каком браке их нет? И Шон — не самый мой любимый персонаж. Но (я думаю) в общем и целом он порядочный парень.

Майлз и Ники ходят в один и тот же пригготовительный класс чудесной школы, о которой я много раз писала в своем блоге. Это не наша городская школа, у которой, после того как (старееющее) местное население проголо-

совало за сокращение ее бюджета, возникли проблемы с финансированием, а школа получше, в соседнем городке, почти на границе Нью-Йорка и Коннектикута.

Из-за правил зонирования наши мальчишки не попадают на школьный автобус. Мы с Эмили отвозим их по утрам в школу сами. Я забираю Майлза каждый день. Эмили по пятницам работает полдня, так что может забрать Ники из школы, и часто по пятницам мы с ней и мальчишками развлекаемся — едим бургеры или играем в мини-гольф. От моего дома до ее всего десять минут езды. Мы практически соседи.

Я люблю бывать дома у Эмили — растянуться на ее диване, болтать и пить вино, одна из нас время от времени сдается и отправляется проверить, как там мальчишки. Мне нравится, как Эмили жестикулирует, когда что-нибудь говорит, нравится, как искрится ее кольцо с бриллиантами и сапфиром. Мы много говорим о материнстве. Темы для бесед у нас никогда не иссякают. До чего же здорово иметь настоящего друга! Иногда я даже забываю, как одинока была до встречи с Эмили.

В остальные дни недели Ники забирает из школы Элисон — приходящая няня. Муж Эмили Шон допоздна работает на Уолл-стрит. Эмили и Ники бывают рады, если Шон вообще приезжает домой к ужину. В те редкие дни, когда Элисон звонит, что заболела, Эмили посылает мне смс, и я подключаюсь: забираю мальчиков из школы, везу домой, и они остаются у меня до возвращения Эмили.

Где-то раз в месяц Эмили задерживается на работе допоздна. А раза два-три она и вовсе не возвращалась домой на ночь.

Как было и в этот раз. Перед ее исчезновением.

Эмили работает на Манхэттене, в отделе по связям с общественностью у известного модного дизайнера, чье имя я стараюсь не упоминать. Нет, на самом деле Эмили *директор* отдела по связям с общественностью у *очень* известного дизайнера. Я в своем блоге говорю о брендах очень осторожно, поскольку это вопрос доверия, ну и потому, что хвастать знакомством с известными людьми — дурной тон.

Даже опаздывая или сидя на встрече, Эмили каждые пару часов отправляет мне сообщения. Она звонит, как только у нее выдана свободная минута. Она — мать. Не безумная мамаша, не наследка — ни одно из тех отвратительных прозвищ, которыми общество клеймит нас за то, что мы любим наших детей.

Возвращаясь из города, Эмили всегда едет со станции кратчайшим путем, чтобы поскорее забрать Ники. Мне приходится напоминать ей, чтобы она не превышала скорость. Если поезд опаздывает, она отправляет мне сообщения. Постоянно! На какой она сейчас станции, когда примерно рассчитывает прибыть — пока я не напишу ей: *“Не волнуйся! Мальчики отлично. Когда приедешь, тогда и приедешь. Безопасной тебе поездки”*.

И вот уже два дня Эмили не дает о себе знать, не выходит на связь, не отвечает на мои смс и звонки. Случи-

лось что-то ужасное. Она исчезла бесследно. Я понятия не имею, где она.

Друзья! Неужели Эмили производит впечатление матери, которая бросает своего ребенка и исчезает на два дня — без сообщений, без звонков, без ответов на мои сообщения и звонки? Если все в порядке? *Серьезно?*

Ладно, мне пора бежать. Чую, шоколадное печенье горит в духовке. Позже напишу еще.

С любовью, Стефани

Мамы, привет!

До сих пор я старалась не упоминать названия нашего городка. Приватность — такая ценность, и так мало ее осталось в наши дни. Не хочу выглядеть параноиком, но даже в городке вроде нашего скрытые камеры наблюдают, какой сорт консервированных томатов ты покупаешь. Особенно в нашем городке. Он считается богатым, потому что расположен в соответствующей части Коннектикута, но он совсем не богат. У Эмили и Шона есть деньги. Мне хватает на жизнь того, что оставил мне Дэвис, — еще одна причина, по которой я могу позволить себе вести блог, не пытаясь зарабатывать на нем.

Но так как исчезновение Эмили все меняет, так как кто-нибудь живущий рядом с нами мог видеть Эмили и так как я сама не своя, то, чувствую, надо *выдать* Уорфилд. Уорфилд, Коннектикут. Два часа от Манхэттена на “Метро-Норт”.

Можно назвать это пригородом, но я выросла в пригороде и жила в городе, так что ощущаю такие городки как сельскую местность. Я описывала в своем блоге, как Дэвис, с пинками и воплями, тащил меня сюда из города. Я потратила несколько лет, чтобы выбраться из пригорода. Я писала в блоге, как влюбилась в сельскую жизнь. Как чудесно, когда просыпаешься, а солнце льется на карниз, который помнит еще войну за независимость, Дэвис отреставрировал его, не пожертвовав ни одной исторической деталью, и как чудесно пить чай, когда разбрызгиватель радуги (такая призма, ее можно поставить на окно), который мой брат Крис подарил нам на свадьбу, бросает разноцветные блики на стены, пол и потолок кухни.

Мы с Майлзом обожаем это место. Во всяком случае, я обожала.

До сего дня. Сейчас я так тревожусь за Эмили, что все — мамы возле школы, чудесная Морин на почте, ребята, которые тащат пакеты из бакалеи — все они кажутся мне на стороне зла, как в ужастиках, где каждый житель городка — зомби или член какой-нибудь секты. Я спросила пару своих соседей, как бы мимоходом, не видели ли они Эмили, и они помотали головами: нет. Показалось ли мне, что они посмотрели на меня насмешливо? Теперь, друзья, вы понимаете, насколько от этого *действительно* можно сойти с ума.

Друзья, простите меня. Я отвлеклась и только болтаю впустую, как всегда.

МНЕ НАДО БЫЛО СКАЗАТЬ ОБ ЭТОМ РАНЬШЕ!!!

Рост Эмили где-то пять футов семь дюймов. Она блондинка с темными прядями (я никогда не спрашивала, натуральные они или нет) и темно-карими глазами. Весит, наверное, около ста двадцати фунтов. Но это приблизительно. Вы же не спрашиваете друзей: какой у тебя рост? Сколько ты вешишь? Хотя, я знаю, некоторые мужчины думают, что женщины ни о чем другом не говорят. Эмили сорок один год, но она выглядит максимум на тридцать пять.

Под правым глазом у нее родинка. Я заметила ее, только когда Эмили спросила, не свести ли ее. Я сказала — нет, она чудесная, что женщины при французском дворе (как я читала) специально рисовали такие “точки красоты”.

Эмили всегда пользовалась одними и теми же духами — у нее был, так сказать, “свой запах”. Она говорила, что эти духи делают из сирени и лилий итальянские монахини. Она заказывала их во Флоренции. Я люблю это в Эмили — все эти элегантные, изысканные вещи, мысли о которых, она знает об этом, мне никогда и в голову бы не пришли.

Я духами не пользуюсь. Мне кажется, когда женщины пахнут как цветы или специи, это несколько сбивает с толку. Что они скрывают? Каково их послание? Но мне нравятся духи Эмили. Мне нравится, что я всегда по запаху могу определить, что она где-то поблизости или была в комнате. Я улавливаю ее духи в волосах Ники, где она обнимала его или прижимала к себе. Она предлагала мне попробовать духи, но это показалось мне неестественным, слишком интимным — чтобы обе мы пахли, как обонятельные близнецы, от которых мурашки по коже.

Эмили всегда носит кольцо с сапфиром и бриллиантами — подарок Шона на помолвку. Когда она говорит, то много жестикулирует, и кольцо кажется мне созданием, живущим своей собственной жизнью, вроде феи Динь-Динь, летящей перед Питером Пэном и Пропавшими Мальчишками.

У Эмили татуировка в виде тонкого тернового венца вокруг правого запястья. Меня это удивляло. Эмили не похожа на человека с татуировками — особенно такими, которые можно скрыть только под длинными рукавами. Сначала я подумала, что это какая-то штучка из мира моды, но когда решила, что знаю ее достаточно хорошо, чтобы спросить, Эмили сказала: “Ах это. Я сделала ее, когда была молодая и безбашенная”.

Я ответила: “Мы *все* были молодыми и безбашенными. Когда-то давным-давно”.

Мне приятно было сказать что-то, чего я не могла сказать своему мужу. Если бы он спросил, что я понимаю под “*безбашенная*”, а я бы ему объяснила, нашей с ним жизни пришел бы конец. Конечно, эта жизнь все равно кончилась. Правда так или иначе найдет путь наружу.

Подождите. Телефон звонит! Вдруг это Эмили? Потом напишу еще.

С любовью,
Стефани

Мамы, привет!

Звонила не Эмили. Автомат сообщил мне, что я выиграла бесплатную поездку на Карибы.

Где я остановилась? А, вот:

Прошлым летом, когда мы обе грелись на солнышке возле городского бассейна, а наши мальчишки плескались в лягушатнике, Эмили сказала: “Стефани, я все время прошу тебя об услугах. И я очень тебе благодарна. Но собираюсь попросить еще об одной. Ты не присмотришь за Ники? У Шона день рождения, и мы хотим уехать на выходные в домик”. Эмили всегда говорит “домик”, но дачный дом ее семьи на берегу озера в северном Мичигане представляется мне немного наряднее, чем просто “домик”. “Я так удивилась, когда Шон согласился, и хочу воспользоваться моментом — пока он не передумал”.

Конечно, я согласилась. Я знала, каких трудов ей стоит выманить Шона из офиса.

— При одном условии, — сказала я.

— Все что угодно! Только назови.

— Можешь нанести масло для загара мне на спину? Мне самой трудно дотянуться.

— С удовольствием, — Эмили рассмеялась.

Ее маленькая сильная рука втирала масло мне в кожу, а я вспоминала, как школьницей ходила на пляж с друзьями.

Эмили с Шоном уехали, а мы с Майлзом и Ники отлично провели время. Бассейн, парк, кино и веганская еда, приготовленная на гриле.

Мы с Эмили дружим уже год, с тех пор как познакомились в подготовительном классе наши мальчишки. Вот ее фотография, которую я сделала этим летом в парке “Шесть флагов”, хотя Эмили здесь не очень видно; это селфи, где нас четверо — мальчики и их мамы. Я зафотошопила детей. Вы знаете, что у меня строгие принципы насчет публикации детских фотографий.

Не знаю, в чем была Эмили в день, когда пропала. Я не видела ее, когда она отвозила Ники в школу. В тот день она немного опаздывала. Обычно автобусы высаживают детей все сразу. Учителя сначала долго здороваются с детьми, потом ведут их в школу... Я не виню их за то, что они не заметили, что надето на Эмили, была ли она жизнерадостна, как обычно, или нервозна.

Возможно, Эмили выглядела как всегда: топ-менеджер из мира моды (она покупает дизайнерские вещи с огромной скидкой) едет на работу в центр города. В тот день она позвонила мне рано утром.

— Стефани, мне нужна твоя помощь. *Опять*. Всплыли кое-какие непредвиденные обстоятельства, и мне придется задержаться допоздна. Элисон на занятиях. Можешь забрать Ники из школы? Я приеду за ним вечером, самое позднее — в девять.

Помню свое удивление: что за “непредвиденные обстоятельства” в модном бизнесе? Петли для пуговиц малы? Молнию вшили вверх ногами?

— Конечно, — сказала я. — Буду рада оказать тебе услугу.

Простая услуга. Простая услуга того рода, какие мы, мамы, оказываем друг другу постоянно. Мальчишки будут на ушах стоять. Я точно помню, что спросила Эмили, не хочет ли она, чтобы Ники переночевал у нас. И точно помню, что она поблагодарила и отказалась. Она хочет увидеть сына в конце напряженного дня, даже если он уже будет спать.

Я забрала Ники и Майлза из школы. Ребята были на седьмом небе. Они любят друг друга просто по-щенячьи, как это бывает у маленьких мальчиков. Они дружат крепче, чем братья — те дерутся.

Ребята мило поиграли в детской, покачались на качелях, я видела их из окна. Я приготовила им на ужин полезную

еду. Как вам известно, я вегетарианка, но Ники согласен есть только бургеры, так что их я и приготовила. Не могу сосчитать, как часто я писала о том, как трудно впихнуть в ребят необходимое количество полезных питательных веществ. Мальчишки обсуждали происшествие: одного мальчика в школе отправили в кабинет к директору. Он не слушал учителя даже после того, как его на время выставили из класса.

Время было уже позднее. Эмили не звонила. Что выглядело очень странным. Я отправила ей смс, но она не ответила. Что выглядело еще более странным.

Ладно, она сказала — *“непредвиденные обстоятельства”*. Может, что-то стряслось на фабрике в одной из тех стран, где шьют одежду. Шьют *рабы*, по моему убеждению, но об этом не стоит говорить вслух. Может, произошел еще один скандал с участием ее босса, Денниса — в газетах писали, что он злоупотребляет наркотиками. Эмили приходится бросать все силы на ликвидацию последствий. Может, она на встрече и не может выйти, может, она где-то, где нет связи. Может, потеряла зарядное устройство.

Если бы вы знали Эмили, вы бы поняли, насколько невероятно, что она может потерять зарядное устройство. Или что она не может придумать, как позвонить и проверить, как там Ники.

Мы, мамы, привыкли держать руку на пульсе. Всем нам знакомо это ощущение: необходимость дотянуться. Это как зависимость. Вы звоните и шлете смс, с трудом

удерживая себя от новых звонков и смс, *потому что вы только что позвонили и отправили смс.*

Каждый раз я попадала на голосовую почту. Я слышала “профессиональный” голос Эмили — бодрый, живой, деловитый. “Здравствуйте, вы позвонили Эмили Нельсон. Пожалуйста, оставьте сообщение, и я перезвоню вам, как только смогу. До скорой встречи!”

Эмили, это я! Стефани! Позвони мне!

Мальчикам пора было ложиться спать. Эмили так и не позвонила. Такого *никогда* не было. От страха у меня засосало под ложечкой. Точнее, от ужаса. Но я не хотела, чтобы мальчики видели меня такой напуганной, особенно Ники...

Друзья, пока прекращаю писать. Слишком нервничаю.

С любовью,
Стефани